

Е. Г. ВОДОЛАЗКИН

Монастырский быт в агиографическом изображении («поварня» древнерусских житий)

Известно, что житиям, подчас оперирующим абстрактными временем и местом, не чужды и вполне «реалистические» описания.¹ Эта особенность агиографии даже позволила И. Некрасову назвать автора жития «реалистом».²

В ряду бытовых описаний особый интерес представляет поварня, одно из тех монастырских мест, где материальная сторона бытия представлена наиболее откровенно.³ Прежде всего стоит отметить несколько названий этой службы. Слово «поварня» («поварница») фиксируется уже в ранних оригинальных и переводных текстах (Повесть временных лет, XII в.; Синайский патерик, XI—XII вв.; Киево-Печерский патерик, XIII в.; Житие и чудеса св. Николая Мирликийского, XI в. и др.). Наряду с «поварней» в текстах того же времени находим «сокало» («сокаль», «сокалькъ», «сокальница»), общеславянское слово с неясной этимологией.⁴ Оно отмечается в Синайском патерике, Книге пророка Иезекииля (X в.), Лествице Иоанна Лествичника (XIII в.), Златоструе (XII в.). Существует, наконец, еще «магерня» («магерница», «магерий»; греч. *τὸ μαγειρεῖον* — кухня) — оно отмечено в житиях Кирилла Белозерского (XV в.), Авраамия Чухломского (XV в.), Стефана Махрищского (XVI в.), Павла Обнорского (XVI в.), Герасима Болдинского (XVI в.), «Духовной грамоте» Иосифа Волоцкого (XVI в.).

Два последних названия были не столь распространены, как «поварня». Встречаются они гораздо реже, в ряде случаев глоссируются: «Вшедша в сокалькъ, рѣкше в поварню»;⁵ «Таже посылаемъ бываеъ отъ настоятеля въ магерницу, сиречь въ поварню».⁶ Относительными синонимами, отра-

¹ Об этом см.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 129—160; Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 7.

² Некрасов И. Древнерусский литератор // Беседы в Обществе любителей русской словесности. М., 1867. Вып. 1. С. 48.

³ См.: Покровская В. Ф. Описание монастырской трапезы: (По рукописи конца XVI в.) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 293—295.

⁴ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3. С. 708.

⁵ Жития и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему / Исследование двух памятников древней русской письменности XI в. архим. Леониды. СПб., 1881. С. 55. Орфография примеров упрощена.

⁶ Житие Кирилла Белозерского // Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания: Биографический и библиографически-литературный очерк. СПб., 1908. С. XI.

жающими функциональные различия служб, являются «пекленица», «хлѣбопѣшница», «хлѣботворница» и др.

Работа в монастырской поварне была, несомненно, испытанием — и физическим, и нравственным («жестокое житие проходя, рѣкъше въ поварню и въ хлѣбни»⁷). Новопостриженных зачастую отправляли именно на поварню. Так, сразу по пострижении на поварню отсылают Иосифа Волоцкого — «въобразити ему мнишеска жительствова»;⁸ трудиться на поварне велит Павлу Обнорскому Сергей Радонежский; через некоторое время после прибытия Кирилла Белозерского в Симонов монастырь его определяют в «хлебню», а затем в «магерницу». Как всякий нелегкий труд, служение в поварне являлось своего рода средством совершенствования. В этой связи можно вспомнить известный рассказ Киево-Печерского патерика об Исаакии Пещернике, который, будучи прельщен бесами в келье, «нача помогати поваромъ и работати на братию».⁹ Пребывание в поварне как испытание (а в определенном смысле и унижение) — весьма характерный агиографический мотив. Иллюстрацией может быть сюжет о Святоше Черниговском из того же патерика. В переводе же патерика Синайского читаем: «...осмянувьшю ему, яко от поварьница, и въсплашену и смърдящю».¹⁰ Гнев по отношению к Николаю Мирликийскому внушается бесом «брату» именно в поварне («Онъ покои имать, а ты тружаешися старѣи онаго лѣты»¹¹).

Несмотря на все превратности кухонной службы, проходить ее, очевидно, доводилось многим. Показательным представляется пассаж челобитной соловецких иноков царю Алексею Михайловичу (1666 г.), в котором, среди прочих прегрешений, игумену Варфоломею инкриминируется то, что «всѣ, которые въ монастырѣ пострижены и у него живутъ въ кельѣ, ни един ихъ, по отеческому преданию и по общему монастырскому чину, в хлѣбнѣ и въ поварнѣ не бывалъ».¹²

Начиная с XV в. в освещении агиографами темы поварни заметны некоторые изменения. Очевидно, речь об этом следует вести в русле общих перемен в отечественной агиографии, становившейся все менее безыскусной. Наряду с «поварней» все чаще появляется уже упомянутая «магерня». Приведенный перечень произведений, в которых это слово зафиксировано, показывает, что тексты эти преимущественно севернорусского происхождения. Возможно, что активное распространение «магерни» в агиографической литературе связано с деятельностью Пахомия Логофета, использовавшего это слово в Житии Кирилла Белозерского (более раннее употребление мне неизвестно), — Пахомия Логофета, чьи «творения служили едва ли не главными образцами, по которым русские агиобиографы с конца XV в. учились искусству описывать жизнь святого».¹³

И оригинальные, и (что существенно) переводные жития домонгольской поры предпочитают «поварню». Не переводилось с греческого (за немногими исключениями) лишь то, чему в церковнославянском трудно было найти эквивалент: богословская терминология, предметы церковной утвари и

⁷ Житие Саввы Вишерского // Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. СПб., 1870. Октябрь, 1—3. С. 27.

⁸ Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным // ЧОИДР. 1903. Кн. 3. С. 16.

⁹ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 130.

¹⁰ Синайский патерик / Подгот. В. С. Гольщенко, В. Ф. Дубровина; Под ред. С. И. Коткова. М., 1967. С. 182.

¹¹ Житие и чудеса св. Николая Мирликийского... С. 55.

¹² Материалы для истории раскола / Под ред. Н. Субботина. (М., 1878). Т. 3. С. 64.

¹³ См.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 165.

т. д. Все, что относилось к быту, переводилось легко и изяшно. Характерен пример переводной историографической литературы (Хроники Георгия Амартола, Истории Иудейской войны Иосифа Флавия), где лексика, обслуживающая быт — городской, воинский, помогает в определении места перевода.¹⁴

Поводов для распространения греческого слова в Московской Руси могло быть несколько. Прежде всего было важно, что слово — греческое: как известно, в XV в. об отношении к Византии задумывались многие. С другой стороны, существенно, но по сути своей весьма прозаическую службу — кухню — такое наименование возвышало до законного атрибута церковной жизни, ставило все там происходившее в один стилистический ряд с другими сюжетами монастырского бытия. Согласно новым эстетическим воззрениям агиографов, подвизаться более пристало в «магерне», чем в «поварне». Сыграло, конечно, роль и использование слова авторитетным Пахомием.

Святогорец Пахомий, оказывавший влияние не только на лексику, в разработке «темы поварни» использовал противопоставление огня земного и огня вечного. В Житии Кирилла Белозерского, одном из лучших произведений Пахомия, святой, сидя в поварне, «на огонь часто възирая глаголаше къ себѣ терпи Кириле огонь сии. Да сим огнем тамошняго възможеша избѣжати».¹⁵ Сходное описание находим в Сказании об исцелении хромого у гроба митрополита Алексия, помещенном в Львовской и Софийской II летописях: «...и тамо (в поварне. — Е. В.) пребысть три лѣта, и любопряшеся всегда симъ внѣшнимъ огнемъ избыти оногo негасимогo огня».¹⁶ Сказание это надписано именем одного из главных литературных заказчиков Пахомия Логофета — митрополита Феодосия, который и сам не избегал литературного труда (ему принадлежат похвальные слова апостолам Петру и Павлу, кондаки и икосы на Успение Божьей Матери, ряд посланий). Топос, связанный с мыслями подвижника об огне, возник еще в Византии, в условиях киновитского монастыря, и условия эти не могли не напоминать русское общежитие. В Житии Евфросина-повара (создано между IV и VII вв.) читаем: «Ибо, постоянно глядя на пылающий огонь, зрел он вечное пламя, и непрестанно слезы омывали щеки его».¹⁷

Описание монастырской поварни — явление частное, в древнерусской литературе особого места не занимающее. Ориентация и в этом случае на греческие образцы еще раз демонстрирует, сколь глубока была связь русской и византийской культур в средневековье.

¹⁴ См.: Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1922. Т. 2. С. 295—306; Мещерский Н. А. 1) История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 76; 2) Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков. Л., 1978. С. 18—25.

¹⁵ Яблонский В. Пахомий Серб... С. XI. Контраст, построенный на сравнении с негасимым огнем, используется Пахомием и в иной вариации: «...и студению тыщашеся грядущаго огня избѣжати» (Житие Сергия Радонежского // Тихонравов Н. С. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892. Отд. 2. С. 13).

¹⁶ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 274.

¹⁷ Краткое житие Евфросина-повара // Византийские легенды / Подгот. С. В. Полякова. Л., 1972. С. 181.